

В ПОИСКАХ БЕЛОГО БИЗОНА

ГЛАВА I

Дом охотника - натуралиста

Пойдемте со мной к великой реке Миссисипи. Это самая длинная река в мире. Если бы Миссисипи вытянуть в одну прямую линию, то длина этой линии равнялась бы расстоянию до центра Земли. Другими словами, длина Миссисипи — четыре тысячи миль. Пойдемте же со мной к этой величественной реке. Я приглашаю читателей не к самому ее истоку, а к Пойнт-Купе, городу, расположенному в трехстах милях от устья. Там мы на некоторое время остановимся, совсем ненадолго, так как нам предстоит большое путешествие. Путь наш лежит далеко на запад — по необъятным прериям Техаса, и мы начнем свое путешествие от Пойнт-Купе.

Возле Пойнт-Купе есть старенькая деревушка, не совсем обычная, похожая на французскую. Это одно из самых ранних поселений тех, кто вместе с испанцами был в числе первых колонистов запада Америки. Поэтому до сих пор по всей долине Миссисипи и районам, расположенным к западу от реки, встречаются французы и испанцы, французские и испанские имена и обычаи.

Сейчас мы не будем на этом долго останавливаться, да нам, собственно, больше и нечего добавить о Пойнт-Купе. Предметом нашего внимания является странного вида дом, который много лет назад стоял на западном берегу реки за милю от деревни. Весьма возможно, что он стоит там и поныне, так как это был крепкий, хорошо построенный дом из тесаных бревен,

тщательно прошпаклеванных, все щели были промазаны известью. Крыша из кедровой дранки, выступая над карнизом, защищала стены от дождя. Такой дом в данной местности называют «двойным», так как посередине его — широкий проход, по которому мог бы проехать воз с сеном. Этот внутренний проход имел такие же крышу и потолок, что и дом, и такой же пол из крепких досок. Поднятый на фут от земли пол выдавался вперед, образуя крыльцо или веранду, легкую крышу которой поддерживали резные столбики из кедра. Столбики и перила веранды были обвиты кустами роз, а также диким виноградом и другими вьющимися растениями, на которых почти круглый год распускались прекрасные цветы.

Дом выходил фасадом к реке и стоял, как я уже сказал, на западном берегу — на той же стороне, что и Пойнт-Купе. Перед домом простирался луг, он тянулся ярдов на двести в сторону реки и кончался обрывом. Луг был окружен высокой изгородью, на нем росли кустарник и декоративные деревья. Большинство их было местного происхождения, но встречались и экзотические. Здесь росли магнолия, вся в крупных белых цветах, красная шелковица, катальпа с бледно-зелеными листьями, высокое тюльпановое дерево и апельсиновые деревца с блестящей листвой. На фоне яркой листвы этих деревьев выделялись темные конусообразные кедры и островерхие тисы. Тут были и финиковые пальмы, и плакучие ивы, грациозно склонявшиеся над самой водой. Можно было увидеть и другие растения и деревья южного климата: большое мексиканское алоэ, юкку с узкими и длинными листьями, похожими на штыки, и карликовую пальму с веерообразными листьями. В гуще листвы и над лугом порхало множество красивых разнообразных птиц.

Проход, о котором уже упоминалось, представлял собой любопытную картину. Это был скорее зал. С обеих сторон по стенам его было развешено различное охотничье снаряжение: ружья, дробовики, подсумки, фляжки, охотничьи ножи и все виды капканов и сетей — короче говоря, все то, чем можно добывать диких обитателей земли, воздуха и воды. На стене висели испанские и мексиканские седла, рога оленя и лося, на этих ветвистых рогах были развешаны волосяные

уздечки. На полочках по стенам стояли искусно сделанные чучела редких птиц и животных. Здесь имелись также застекленные ящики с расположенными в систематическом порядке бабочками и другими насекомыми, наколотыми на булавки. Иными словами, этот зал напоминал маленький музей живой природы.

Войдя внутрь дома, читатели обнаружили бы там несколько просторных комнат, уютно обставленных и заполненных охотничьим снаряжением и различными предметами, относящимися к изучению естественной истории. В одной из комнат мы увидели бы на стене барометр и термометр, старые часы над камином, саблю, пистолеты и книжный шкаф с ценными, тщательно подобранными книгами.

За домом находилась маленькая бревенчатая кухня, содержащая обычную кухонную утварь. Дальше тянулся крытый двор, на одном конце которого стояли амбар и конюшня. В конюшне помещались четыре лошади, а за перегородкой — несколько мулов. Во дворе наше внимание привлекла бы большая рыжая собака с длинными ушами, очень похожая на охотничью.

Издали этот дом выглядел как усадьба богатого плантатора, но при ближайшем рассмотрении становилось очевидным, что это не так. Здесь не было ни негритянских лачуг, ни сахароварен, ни складов табака, которые неизбежны около жилища плантатора, — ничего подобного. Не было перед домом и большого участка обработанной земли. Темный кипарисовый лес, на фоне которого стоял дом, бросал тень почти до самых стен. Нет, это не дом плантатора. Чей же он и кто его обитатели? Это дом охотника-натуралиста.

ГЛАВА II

Охотник-натуралист и его семья

В 1815 году произошла знаменитая битва при Ватерлоо, и в этом же году Наполеона Бонапарта сослали на остров Святой Елены. Многие французские офицеры, сторонники этого

великого авантюриста, эмигрировали в Америку. Большинство из них, естественно, отыскивали французские поселения на Миссисипи, понастроили себе дома и остались там жить. Среди эмигрантов был один по имени Ленди, бывший полковник стрелкового полка наполеоновской армии. Корсиканец по происхождению, он стал офицером французской армии только потому, что в молодости дружил с одним из родственников Бонапарта, а на самом деле его еще с юности гораздо больше привлекала наука, чем военная служба.

Во время испанской кампании Ленди женился на баскской девушке, которая родила ему троих детей, — все сыновья. Мать умерла незадолго до битвы при Ватерлоо, поэтому, когда Ленди эмигрировал в Америку, его семья состояла только из него и троих детей. Сначала Ленди отправился в Сент-Луис, но вскоре перебрался вниз по реке к Пойнт-Купе в Луизиану, где купил себе дом, который мы с читателями только что видели, и поселился в нем. Разрешите сразу же пояснить, что Ленди ни в коей мере не нуждался. Перед отъездом в Америку он продал доставшееся ему от отца имение на Корсике за такую сумму, которая давала ему возможность жить, не работая, где угодно. Ему не было необходимости избирать себе на новом месте жительства какое-либо ремесло или специальность. Чем же тогда было заполнено его время? Сейчас расскажу.

Ленди был образованным человеком. До вступления во французскую армию он изучал естественные науки. Он был натуралистом, а натуралист может найти себе занятие везде, получить ценные сведения и удовольствие там, где другие будут умирать от скуки и безделья. Помните: камни поучают, а ручьи заменяют книги. Ленди не был кабинетным натуралистом. Как и знаменитый Одюбон*, он был увлечен внешним миром и любил брать уроки у самой природы. В Ленди сочетались страсть к охоте и тонкий вкус к научным исследованиям, и где бы он нашел лучшее место для всего этого, как не в долине Миссисипи, которая изобиловала природными дарами, представляв-

* Одюбон Джон Джеймс (1780—1851) — американский ученый-орнитолог. — *Здесь и далее примеч. ред.*

шими интерес как для охотника, так и для ученого! С моей точки зрения, он выбрал для своего проживания как нельзя более удачное место.

Ленди не сидел без дела: он охотился, ловил рыбу, изготовлял чучела птиц и выделывал шкуры редких зверей, сажал и подрезал деревья, воспитывал своих мальчиков и тренировал собак и лошадей. Его мальчики помогали ему во всем, в чем могли. Был у него и еще один помощник — Гуго. Кто такой Гуго? Сейчас я опишу его. Гуго — очень маленький француз, не выше пяти футов и четырех дюймов ростом, чрезвычайно живой и подтянутый. У него был орлиный нос внушительных размеров и, несмотря на маленький рост, огромные усы, которые почти скрывали рот. Это придавало Гуго довольно свирепый вид, что в сочетании с военной выправкой и быстрыми, почти механическими движениями сразу говорило о том, кто он такой, а именно — французский солдат. Он и в самом деле раньше был капралом стрелкового полка, где Ленди служил полковником. Об остальном вы легко догадаетесь: Гуго последовал в Америку за своим бывшим командиром, он жил теперь в его доме и был ему верным слугой. Редко можно было встретить натуралиста и не увидеть рядом с ним огромные усы. Если бы судьба надолго разлучила Гуго с его полковником, это убило бы старого капрала.

Конечно, Гуго всегда сопровождал своего хозяина на охоте. Мальчики тоже, как только научились держаться в седле, стали ездить с отцом в его научные и охотничьи экспедиции. Обычно, когда все уезжали на охоту, дом запирали, так как у Ленди не имелось ни домоправительницы, ни каких-либо других слуг. Дом оставался запертым на несколько дней, а иногда и недель, поскольку натуралист со своим маленьким отрядом предпринимал далекие экспедиции в окружающие леса. Охотники возвращались нагруженные добычей — шкурками птиц и зверей, растениями и редкими породами камней. После этого в течение нескольких дней все семейство обрабатывало свои новые трофеи. Так Ленди и его сыновья проводили время.

Гуго являлся одновременно поваром, камердинером, грумом, дворецким и рассыльным. Я уже говорил, что никакой

другой прислуги, ни мужской, ни женской, в доме не держали — следовательно, Гуго выступал и в роли горничной. Однако его разнообразные обязанности были не так уж сложны, как может показаться. Полковник отличался скромностью в своих привычках. Он приобрел ее будучи солдатом и воспитал сыновей в том же духе. Ленди ел простую пищу, пил только воду и спал на походной кровати, покрытой лишь одеялом и шкурой бизона. Белье стирала прачка из Пойнт-Купе. Как видите, Гуго не так уж был загружен домашними делами.

Маленький француз ежедневно совершал путешествие в поселок — на базар и на почту, откуда часто приносил письма. На многих из них красовались большие печати и герб принца. Иногда пароход привозил бывшему полковнику посылки с научными книгами или с какими-то непонятными инструментами. Несмотря на все это, в жизни охотника-естествоиспытателя не было ничего таинственного. Ленди никто не считал скрытным или необщительным — он часто посещал деревню и любил поболтать со старыми трапперами и другими местными жителями. Крестьяне называли его за глаза старым полковником и относились к нему с почтением. Они только удивлялись вкусам натуралиста, которые казались им странными. Кроме того, их поражало, как это он ухитряется вести хозяйство без служанки. Но Ленди не интересовали их домыслы, он лишь посмеивался над любопытными, оставаясь все в тех же хороших отношениях со своими соседями.

По мере того как подрастали его мальчики, они тоже делались всеобщими любимцами. Они считались лучшими стрелками среди своих сверстников, могли соревноваться в верховой езде с любым, могли переплыть Миссисипи, умели управлять пирогой, бросать лассо и бить гарпуном крупную рыбу. Все это они выполняли совсем как взрослые. Это были настоящие маленькие мужчины. Простые крестьяне инстинктивно чувствовали над собой превосходство этих юношей, образованных и прошедших хорошую закалку; ребята, однако, не были заносчивыми и обходились со всеми очень приветливо. Все это вместе взятое заставляло окрестных жителей уважать сыновей старого полковника.

Соседи приходили к Ленди только по делу. У него вообще не бывало гостей за исключением кое-кого из давнишних знакомых по армии, которые жили в Новом Орлеане и примерно раз в год приезжали к нему потолковать о былых временах и попробовать его оленины. В таких случаях основной темой разговора был, конечно, великий Наполеон. Как и все старые солдаты Франции, Ленди боготворил императора, но был один член семьи Бонапарта, к которому натуралист питал еще большее чувство, перешедшее в искреннюю дружбу: то был Шарль Люсьен, принц Музиньянский.

Не все Бонапарты были плохи — некоторые члены этой замечательной фамилии доказали миру, что обладают благородством. Скромные изыскания принца Музиньянского в области естественной истории могут рассматриваться как своеобразные победы в царстве природы, и, хотя их затмили более блестящие, зато кровопролитные триумфальные подвиги императора Наполеона, труды принца все же дают ему больше прав на благодарность и уважение потомков. Он-то и был подлинным героем натуралиста Ленди.

Многие годы полковник вел тот образ жизни, который я обрисовал читателям. Но вот произошло событие, чуть не ставшее для него роковым. Еще во время кампании на Пиренейском полуострове Ленди был ранен в ногу. Однажды после падения с лошади рана открылась и возникла необходимость ампутировать ногу. Жизнь Ленди была спасена, но он уже не мог больше наслаждаться охотой — ему оставались лишь более спокойные занятия натуралиста. Ленди ходил, прихрамывая, на своей деревянной ноге по дому и лугу, подрезал деревья, ухаживал за своими четвероногими любимцами, которых завел себе немало. Гуго все время следовал за ним, как тень. Мальчики же по-прежнему отправлялись на охоту и собирали образцы для коллекций. Все шло своим чередом.

Такова была их жизнь, когда я впервые познакомился с натуралистом Ленди, его слугой Гуго и тремя сыновьями — мальчиками-охотниками, героями нашей небольшой повести. Разрешите мне познакомить вас с ними поближе — я думаю, вы полюбите их всех троих и охотно побудете некоторое время в их обществе.

ГЛАВА III

Письмо принца

Прекрасное весеннее утро. Мы приближаемся к дому и входим на лужайку через боковую калитку. Нам не надо заходить в дом, так как там никого нет. Погода слишком хороша, чтобы сидеть в помещении, но все члены семьи неподалеку от дома: они разместились на лужайке и на веранде. Все заняты кто чем. Сам полковник кормит своих четвероногих подопечных. Гуго помогает ему — носит корзинку с пищей.

Полковника можно назвать интересным мужчиной. Его волосы и усы белы как лунь, бороды он не носит, лицо цвета красноватой бронзы гладко выбрито, выражение его доброе, но мужественное. Ленди очень похудел за последнее время из-за ампутации ноги. Одежда его проста: желтая нанковая куртка, полосатая хлопчатобумажная рубашка и широкие ярко-синие брюки. Широкополая панама защищает глаза от солнца. Ворот рубашки расстегнут, так как день теплый. Гуго одет примерно так же, но материал его куртки и брюк грубее, а шляпа — из простых пальмовых листьев.

Посмотрим на Базиля, старшего сына полковника. Он прикрепляет ремешки к охотничьему седлу, лежащему на земле возле него. Базилю семнадцать лет. Это милостивый юноша, хотя его и нельзя назвать красивым. У него мужественное лицо, и вся его фигура выражает силу. Волосы у него прямые, черные как смоль. Он больше своих братьев похож на итальянца. Он поистине сын своего отца — настоящий корсиканец. Базиль — опытный охотник и любит это занятие превыше всего на свете. Он любит охоту ради охоты и наслаждается ее опасностями. Он уже вышел из того возраста, когда ловят птиц и стреляют белок, — его честолюбие может быть теперь удовлетворено только охотой на кугуара, медведя или бизона.

Как не похож на него Люсьен, второй сын! Люсьен — изящный белокурый юноша, он больше напоминает по облику свою мать, которая была блондинкой, как многие из ее народа — басков. Люсьен страстно любит книги и науку. И сейчас он сидит на веранде с книгой. Он изучает естественную

историю, и его любимые науки — ботаника и геология, в которых он достиг больших успехов. Люсьен сопровождает Базиля во всех охотничьих экспедициях, но в разгар самой отчаянной погони может вдруг соскочить с лошади, если ему на глаза попадет редкое растение, цветок или необычный камень. Люсьен не очень разговорчив — не так, как большинство мальчиков его возраста, — но, обыкновенно молчаливый, он обладает редким здравым смыслом, и, если дает советы, то непременно дельные и принимаемые окружающими с уважением. Таково невольное воздействие интеллекта и образованности.

Следующий по возрасту и самый младший — Франсуа, умный кудрявый мальчуган, безудержно веселый, всегда жизнерадостный, непостоянный в своих вкусах и привязанностях, многосторонний в своих талантах — короче говоря, больше француз, чем кто-либо из братьев. Франсуа — знаменитый ловец птиц. В настоящий момент он чинит свои сети, и его двуствольный дробовик, который он только что закончил чистить, лежит рядом. Франсуа — всеобщий любимец, он доставляет немало хлопот Гуго, над которым вечно подшучивает.

В то время как натуралист и его семья были заняты каждый своим делом, с низовьев реки послышался громкий гул. Он немного напоминал пушечную стрельбу, хотя звуки были мягче и глуше.

— Пароход! — воскликнул Франсуа, услышавший его первым.

— Да, — сказал Базиль. — Я думаю, что он идет из Нового Орлеана в Сент-Луис.

— Нет, — спокойно возразил Люсьен, поднимая голову от книги, — это судно из Огайо.

— Откуда ты знаешь, Люс? — спросил Франсуа.

— По свистку, конечно. Я узнал его. Это «Олений глаз» — почтовое судно, идущее в Цинциннати.

Вскоре над деревьями стало видно белое облако пара, а затем из-за излучины реки показалось большое судно, пересекающее коричневую воду. Через несколько минут пароход был уже против лужайки и действительно оказался, как и говорил Люсьен, почтовым пароходом «Олений глаз». Люсьен воспринял свой триумф с присущей ему скромностью.

Прошло всего несколько минут, и от Пойнт-Купе послышался громкий пронзительный свисток. Пароход причаливал.

— Гуго! — обратился к слуге полковник. — Может быть, что-нибудь есть для нас — пойди посмотри.

Не мешкая, Гуго отправился выполнять поручение. Он был хороший ходок и вернулся быстро. В руках он держал письмо, внушительное по величине и виду.

— От принца Люсьена! — воскликнул Франсуа, который везде должен был быть первым. — Это от принца, папа, ведь это его печать!

— Успокойся, Франсуа, успокойся! — строго сказал отец, ковыляя к веранде, чтобы взять очки. Он распечатал конверт и прочел письмо. — Гуго! — сразу же закричал Ленди. — Слуга предстал перед своим хозяином, по-военному отдавая честь. — Тебе придется съездить в Сент-Луис.

— Слушаюсь, полковник.

— Ты отправишься с первым же пароходом.

— Слушаюсь, полковник.

— Ты должен добыть мне шкуру белого бизона.

— Это не составит труда, мсье.

— Боюсь, что это труднее, чем ты думаешь.

— За деньги, мсье?

— Да, даже за деньги, Гуго. Слушай: мне нужна шкура, не просто мех, а настоящая шкура — с головой, ногами, вся целиком, чтобы можно было сделать чучело.

— А-а, полковник! Это другое дело.

— Боюсь, что это будет очень нелегко... — задумчиво произнес Ленди. — Я сомневаюсь, удастся ли вообще ее достать. Но нет, мы должны это сделать во что бы то ни стало! Да, во что бы то ни стало!

— Сделаю все, что в моих силах.

— Заходи в каждый меховой магазин в Сент-Луисе, наведи справки среди охотников и трапперов — ты знаешь, где их найти. Если из этого ничего не получится, помести объявление в газетах на английском и французском языках. Сходи к коммерсанту Шото, куда угодно. Не считайся с расходами, но достань мне шкуру!

— Будьте спокойны, полковник, все будет исполнено.

— Тогда готовься в путь. Возможно, еще сегодня пойдет пароход... Тш-ш! Я слышу, он уже идет и, может быть, как раз в Сент-Луис.

Некоторое время все стояли, прислушиваясь. Ясно был слышен шум парохода, идущего вверх по реке.

— Он действительно идет в Сент-Луис, — сказал Люсьен. — Это «Красавица Запада».

Люсьен обладал способностью определять по свистку название почти каждого парохода, курсирующего по Миссисипи. Через полчаса показался пароход, и все увидели, что Люсьен опять прав: пароход шел в Сент-Луис и назывался «Красавица Запада».

Гуго не надо было долго собираться. Пароход не успел поравняться с домом, а маленький француз уже все приготовил, получил от своего хозяина еще несколько инструкций и кошельки с деньгами и отправился в Пойнт-Купе, чтобы встретить пароход у причала.

ГЛАВА IV

Сборы на большую охоту

Прошло дней двадцать, прежде чем Гуго вернулся. Для старого полковника, который волновался, что Гуго не удастся выполнить поручение, это были долгие недели. Ленди написал ответ принцу Бонапарту и обещал постараться добыть шкуру белого бизона, принц просил его в письме именно об этом. Полковник ни за что на свете не хотел нарушить свое обещание, и неудивительно, что, пока отсутствовал Гуго, Ленди все время испытывал беспокойство и нетерпение. Наконец поздно вечером Гуго появился. Полковник не мог дождаться, когда тот войдет в дом, и встретил его в дверях со свечой в руке. Вопросы были излишни — ответы начертаны на лице Гуго. Сразу стало ясно, что он не достал шкуру. Вид у него был совершенно убитый, огромные усы его, казалось, поблекли и обвисли.

— Не достал? — спросил Ленди упавшим голосом.

— Нет, полковник, — пробормотал Гуго.

— Ты всюду пытался?

— Всюду.

— Ты давал объявления в газетах?

— Во всех газетах, мсье.

— И предлагал высокую цену?

— Да, но это ни к чему не привело. Я не достал бы шкуры белого бизона, даже если бы предложил в десять раз больше. Я не смог бы получить ее и за тысячу долларов.

— Я бы дал пять тысяч!

— Это бесполезно, мсье: ее нельзя достать в Сент-Луисе.

— А что говорит Шото?

— Что очень мало шансов найти то, что вам нужно. Он говорит, что можно проехать по всем прериям и так и не встретить белого бизона. Индейцы ценят белых бизонов превыше всего, и, когда им попадается случайно белый бизон, они уж его не упустят. У одного торговца мехами я сыскал две-три шкуры, но это не то, что вы хотели, мсье: это только мех, но даже и за него просили порядочную сумму.

— Нет, это не годится. Шкура нужна для другой цели — для большого музея. Боюсь, что мне не раздобыть ее. Уж если нельзя достать в Сент-Луисе, тогда где же еще...

— Где еще, папа? — прервал Франсуа, который вместе с братьями стоял и слушал весь этот разговор. — Где же еще, как не в прериях?!

— В прериях... — машинально отозвался отец.

— Да, папа. Пошли Базиля, Люсьена и меня — мы найдем тебе белого бизона, я ручаюсь!

— Bravo, Франсуа! — воскликнул Базиль. — Ты прав, брат, я и сам хотел это предложить.

— Нет-нет, мальчики мои! Вы слышали, что говорит Шото? Нечего и думать об этом. Ее нельзя достать. А я-то написал принцу, я обещал ему!

Лицо и жесты старого полковника выражали разочарование и огорчение. Люсьен, с сочувствием заметивший это, сказал:

— Папа, Шото и вправду имеет большой опыт в торговле мехами, но он сам себе противоречит. — (Люсьен, как вы, наверное, заметили, был очень рассудителен.) — Гуго видел две-